

Е.Ионова

**ТУРКМЕНИЯ: ПОИСК
НОВЫХ ГАЗОЭКСПОРТНЫХ МАРШРУТОВ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2018-3-83-96

Туркмения, с населением около 5,5 млн. человек, обладает богатейшими углеводородными ресурсами и занимает четвертое место в мире по запасам газа (оцениваются в 19,5 трлн. куб. м).¹ После обретения независимости экспорт «голубого топлива» стал основой экономики республики, и, начиная с середины 90-х годов, диверсификация маршрутов его поставок на внешние рынки приобрела приоритетное значение во внешнеэкономической политике Ашхабада. В этот период зародились планы строительства газопровода в Южную Азию (ТАПИ) и Транскаспийского газопровода (ТКГ) для транспортировки туркменского сырья в Европу. На протяжении последних двух десятилетий эти проекты оставались фактически на уровне деклараций о намерениях, однако в последнее время они стали приобретать определенные реальные очертания.

Действующие маршруты экспорта туркменского газа

В последние годы Туркмения переживает серьезные экономические трудности, которые, как считают эксперты, могут привести к тяжелым социально-политическим последствиям.² Пик экономического кризиса пришелся на 2014–2016 гг. и в решающей степени был обусловлен сокращением доходов от продажи газа – основного источника поступлений в бюджет страны. Это было обусловлено не только снижением мировых цен на углеводородное сырье, но и сокращением объема экспортных поставок туркменского газа.

Подготовка и проведение «Азиатских игр – 2017» стали дополнительным фактором истощения государственной казны и нарастания финансового кризиса. Наблюдающийся в последние полтора года рост цен на энергоносители пока не привел к существенному улучшению экономической обстановки в республике. В этих условиях для Ашхабада становится

¹ <http://ca-news.org/news:1462425>.

² См.: Независимая газета. 28.06.2018.

принципиально важным увеличением объемов поставок газа на внешние рынки.

После прокладки газопровода в Китай именно Поднебесная стала главным, а в последние годы – практически единственным покупателем этого сырья. В 2017 г. на долю КНР пришлось более 90% всего объема экспорта туркменского газа (33,6 млрд. куб. м), что на 13% превысило показатель за 2016 год. В первом полугодии 2018 г. тенденция наращивания поставок «голубого топлива» в Китай сохранилась: их объем на 18,8% превысил показатель за аналогичный период 2017 г.³

Однако экспорт туркменского газа в КНР лимитирован объемом в 35 млрд. куб. м: три действующие трубопроводные магистрали, образующие газопровод Центральная Азия – Китай, проходят через территории Узбекистана и Казахстана, и страны-транзитеры заполняют 20 млрд. куб. м его совокупной мощности, которая составляет 55 млрд. куб. м газа в год. Весной текущего года Пекин заморозил готовящееся соглашение о строительстве четвертой нитки газопровода из ЦА (так называемая линия D), по которой туркменской газ должен был попадать в Китай. (Этот трубопровод должен был пройти также через территории Таджикистана и Киргизии, рассчитывающих на существенные выгоды от транзита газа).

Следует также учитывать, что доходность экспорта газа в Китай существенно ограничена, поскольку значительная часть прибыли от его продажи идет на погашение китайских кредитов, полученных Ашхабадом для разработки и обустройства нефтегазовых месторождений, а также строительство газопроводов. В счет погашения кредитов китайские компании забирают и часть добываемого газа. По мнению наблюдателей, поскольку в настоящее время практически все контракты в республике на строительство и обслуживание газовой инфраструктуры принадлежат китайским компаниям, то получается, что Китай покупает газ сам у себя.⁴

В итоге, Ашхабад, в свое время форсировавший строительство туркмено-китайского газопровода с целью избежать зависимости от России, в лице КНР приобрел сложного и менее выгодного по сравнению с РФ партнера. На протяжении последних лет происходило снижение доли газа, закупаемого Россией, пока в январе 2016 г. «Газпром» полностью не прекратил покупку у Туркмении «голубого топлива», считая цену на него неоправданно завышенной.

Кроме того, Ашхабад прекратил поставки газа в северные провинции Ирана из-за неурегулированной проблемы иранской задолженности за газ,

³ <http://neftegaz.ru/news/view/173564-Turkmenistan-pochti-na-20-...>

⁴ <https://regnum.ru/news/2391155.html>

сумма которой, по оценке Ашхабада, достигает 2 млрд. долл. Иранская сторона оспаривает существование задолженности, утверждая, что в свое время Тегеран переоплатил Ашхабаду значительные суммы при закупках дополнительных объемов туркменского газа.⁵

Сейчас Ашхабад стремится ослабить сложившуюся зависимость от КНР и рассматривает альтернативные маршруты экспорта газа, в том числе и в РФ. С конца 2016 г. наметилась позитивная тенденция в развитии отношений Москвы и Ашхабада по проблеме газа: в ноябре 2016 г., после переговоров президентов двух стран, «Газпром» и «Туркменгаз» приостановили арбитражное разбирательство в Стокгольме и приступили к мирному разрешению спора. В настоящее время, согласно заявлению Минэнерго РФ, между сторонами действует «коммерческая пауза», которая нужна для того, чтобы «проанализировать и потенциально найти возможности для возобновления сотрудничества».⁶

По итогам официального визита В.Путина в Туркмению в октябре 2017 г. глава Минэнерго РФ А.Новак заявил, что Москва рассматривает «на перспективу проекты по добыче и реализации туркменского газа».⁷ Недавно стало известно, что переговоры о закупке Россией туркменского газа могут начаться уже осенью текущего года.⁸ Возобновление экспорта туркменского газа в Россию может способствовать укреплению сотрудничества двух стран в целом, а также снижению заинтересованности Ашхабада в альтернативных маршрутах экспорта газа в обход РФ. Однако, судя по всему, нахождение компромисса по вопросу его цены будет непростым.

Продвижение проекта ТАПИ

Газопровод из Туркмении в страны Южной Азии должен быть проложен от крупнейшего туркменского газового месторождения Галкыныш до границы с Афганистаном в районе бывшей Кушки, затем через весь западный и южный Афганистан выйти на границу с Пакистаном недалеко от пакистанского города Кветта и далее протянуться до границы с Индией. Общая протяженность трубопровода ТАПИ должна составить 1814 км, из которых 774 км приходится на территорию Афганистана. Проектная пропускная мощность магистрали составит 33 млрд. куб. м в год, ввод в эксплуатацию намечен на 2019–2020 гг.⁹

⁵ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1522358520>

⁶ <https://neftegaz.ru/news/view/1533425-Pauza-na-2-goda...>

⁷ <https://ru.sputnik-tj.com/russia/20171003/1023493657/neft-gaz-sovmesny-...>

⁸ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1533010680>

⁹ <https://neftegaz.ru/news/view/149794-G.Berdymuhamedov-vydelyaet-...>

С самого начала возникновения этого проекта в 90-ые годы безопасность его строительства, а в дальнейшем – функционирования на территории Афганистана вызывала большие сомнения. Ситуация в этой стране, где не прекращаются боевые действия и террористические акты, отпугивала потенциальных инвесторов. Сложности с финансированием проекта стали главным препятствием для реализации ТАПИ. В настоящее время его стоимость оценена в 10 млрд. долл. (при этом речь идет лишь о прокладке трубопровода, без учета затрат на инфраструктурные объекты, которые, по мнению экспертов, могут потребовать еще 15 млрд. долл.).

«Туркменгаз» является оператором проекта и держателем 85% акций в строительном консорциуме TAPI Pipeline Company. Соответственно, он должен привлечь финансирование, равное своей доле, то есть 8,5 млрд. долл. Необходимых средств у Ашхабада, судя по всему, нет. Власти Туркмении смогли выделить лишь 45 млн. долл. на постройку 214 км трубопровода на своей территории.¹⁰ Другие участники консорциума – афганская Afgan Gas Systems (AGS), пакистанская Inter State Gas Systems (ISGS) и индийская GAIL, имеющие по 5% акций? – не сообщают, сколько готовы потратить на реализацию проекта.¹¹

Однако в последние годы Ашхабаду удалось заручиться поддержкой ряда международных финансовых организаций, заявивших о готовности участвовать в финансировании ТАПИ. Так, в 2016 г. власти республики сообщили о получении от Исламского банка кредита в размере 700 млн. долл. Туркмения также возлагает надежды на Азиатский банк развития, совет директоров которого в 2017 г. одобрил пятилетнюю стратегию партнерства с Туркменией, включающую, помимо прочего, помощь для строительства ТАПИ. В мае текущего года поступила информация о намерении Саудовской Аравии выделить средства на этот проект.

Следует отметить, что проект ТАПИ изначально имел не только важное экономическое значение, в первую очередь для Туркмении и Афганистана, но и явно выраженную геополитическую окраску. Лоббируемый США, он был направлен на создание транспортных газовых потоков из стран ЦА, альтернативных российскому направлению, что должно было способствовать отрыву центральноазиатских стран от РФ. Осознавая это, Москва не раз, но безрезультатно заявляла о готовности участвовать в проекте. Лишь в декабре 2017 г., вскоре после визита В.Путина в Туркмению, Г.Бердымухамедов обратился к российскому президенту с предложением принять участие в проекте.

¹⁰ https://neftegaz.ru/tech_library/view/4991-Gazoprovod-TAPI

¹¹ <https://inosmi.ru/economic/20180210/241419156.html>

Вступление РФ в проект ТАПИ могло бы укрепить безопасность трубопровода и в целом усилить влияние России в регионе. Однако в Москве пока не спешат принять окончательное решение по этому вопросу. По словам российского президента, «нужно посмотреть, насколько реализуемы эти проекты».¹² (Нельзя исключать, что участие РФ в проекте ТАПИ обсуждалось в ходе встречи В.Путина и Г.Бердымухамедова в Сочи в августе текущего года).

При этом ТАПИ становится одним из факторов регионального сотрудничества в Центральной Азии: проект поддержали Узбекистан и Казахстан, руководители которых заявили о намерении рассмотреть перспективы своего участия в этом проекте. В частности, после официального визита Г.Бердымухамедова в Узбекистан в апреле текущего года президент Узбекистана Ш.Мирзиёев дал поручение направить в Туркмению делегацию для переговоров о параметрах участия узбекской стороны в проекте ТАПИ. А уже в мае генеральный директор Ассоциации банков Узбекистана заявил о готовности предоставить Ашхабаду финансовые средства на этот проект.¹³

В последнее время поступает информация об активизации строительства ТАПИ. Так, согласно официальным туркменским источникам, в настоящее время подходит к завершению прокладка трубопровода по территории республики. 23 февраля текущего года вблизи туркменской границы в афганской провинции Герат состоялась церемония, посвященная началу строительства афганского участка ТАПИ. Сообщается также, что в Афганистане продолжается возведение двух компрессорных станций.¹⁴ Пакистанская сторона, по информации от компании ISGS, урегулировала финансовые вопросы, закончила разработку геотехнического отчета, проведение радарной и топографической съемок и намерена приступить к строительству газопровода. Необходимые подготовительные процедуры ведутся также в Индии.¹⁵

Тем не менее многие эксперты по-прежнему высказывают сомнения относительно перспектив ТАПИ, включая возможность его введения в строй в намеченные сроки. Наиболее скептически настроенные наблюдатели считают, что официальная церемония начала строительства афганского отрезка ТАПИ может оказаться фальстартом из-за нехватки средств, и даже ставят под сомнение само наличие туркменского отрезка ТАПИ, ссылаясь на то, что документальных подтверждений проведения там работ нет.¹⁶

¹² <https://neftegaz.ru/news/view/168144-Gazoprovod-TAPI.-Stali-...>

¹³ <http://turkmenpetroleum.com/ru/2018/05/10/>

¹⁴ <http://catoday.org/centrasia/chto-oznachaet-nachalo-stroitelstva-afganskogo-...>

¹⁵ <https://neftegaz.ru/news/view/171509-Pakistan-v-blizhayshee-vremya-nachnet-...>

¹⁶ <https://www.hronikatm.com/2018/02/tapi-afganskiy-uchastok-truboprovoda-...>

Помехой в реализации проекта ТАПИ становится конкурирующий с ним проект газопровода Иран–Пакистан–Индия, который в настоящее время реанимирован Тегераном и вызывает интерес у потенциальных инвесторов. Преимущества этого проекта заключаются в том, что он предполагает транспортировку газа не через территорию беспокойного Афганистана, а напрямую в Пакистан. Идея этого проекта возникла еще в середине 90-х гг., однако из-за разногласий между странами-участницами к его реализации так и не приступили (Иран, правда, успел проложить трубу до границы с Пакистаном). Преградой стало также противодействие Вашингтона, обусловленное его позицией по Ирану и, в частности, антииранскими санкциями.

Сейчас, когда Иран демонстрирует стремление расширить свое влияние, в том числе и в Южной Азии, власти страны намерены вернуться к этому проекту. Поддержку ему готовы оказать российские компании, в первую очередь, «Газпром». В марте 2018 г. сопредседатель российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству министр энергетики РФ А.Новак сообщил, что компании из России и Ирана создадут совместное предприятие для строительства газопровода Иран–Пакистан–Индия. Кроме «Газпрома», в обсуждении проекта участвуют пакистанские и индийские компании. Кроме того, по словам Новака, ведущие российские нефтегазовые компании ведут переговоры по разработке более десяти месторождений в Иране.¹⁷

Примечательно, что недавно Тегеран, ссылаясь на то, что у Ашхабада нет средств на строительство ТАПИ, предложил ему газовую сделку, по сути делающую ненужным туркменский проект: Иран покупает туркменский газ для поставок его в Пакистан по своему газопроводу, то есть минуя территорию Афганистана.¹⁸

Таким образом, с ТАПИ связано обострение геополитических противоречий в Южной Азии. Не исключено, как считают наблюдатели, что именно активизация Ирана на этом направлении побудила Саудовскую Аравию принять участие в финансировании ТАПИ. По их мнению, это предложение сделано по инициативе США, которые заинтересованы в том, чтобы иранский проект не был реализован. Следует отметить, что Иран становится прямым конкурентом Туркмении и на других маршрутах экспорта газа. В частности, Национальная иранская газовая компания заявила, что рассматривает возможность поставок газа в Китай, а также в Европу (через Турцию).¹⁹

¹⁷ <https://m.vz.ru/news/2018/3/6/911390.html>

¹⁸ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1525405440>

¹⁹ <https://camonitor.kz/24783-iran-stanovitsya-...>

Среди рисков, связанных с ТАПИ, на которые указывают эксперты, – напряженные отношения между странами – участницами проекта, что может значительно осложнить ход его реализации, а в случае его постройки – стать причиной постоянных срывов в его работе. Они отмечают, что Исламабад может использовать трубопровод в качестве инструмента устрашения Нью-Дели, а в ответ Индия в любой момент может выйти из ТАПИ.²⁰

Однако в центре внимания остаются риски, связанные с обеспечением безопасности газопровода. При этом угрозы могут исходить не только и не столько от афганских талибов, которые даже поддержали проект ТАПИ, а в гораздо большей степени – от боевиков ИГИЛ (запрещена в РФ), вытесненных из Ирака и Сирии. Обращает на себя внимание тот факт, что руководство Талибана официально одобрило начало реализации проекта в Афганистане. В заявлении, разосланном в СМИ, движение уведомяло, «что оно абсолютно согласно с проведением газопровода из Туркмении в Афганистан и далее в Пакистан и Индию, поскольку он даст тысячам афганцев работу и в дальнейшем обеспечит афганский народ газом».²¹

Таким образом, если бы не риски, связанные с проектом, он мог бы принести значительную пользу странам-участницам. Благодаря ТАПИ Афганистан смог бы получать 14 млн. куб. м газа в сутки, а Пакистан и Индия – по 38 млн. куб. м. Кроме того, создание газопровода могло бы улучшить внутриэкономическую ситуацию в этих странах, способствуя снижению уровня безработицы. Ожидается, например, что реализация проекта сможет обеспечить работой более 12 тыс. афганцев.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря и проблема Транскаспийского газопровода

12 августа 2018 г. в казахстанском Актау президенты пяти прикаспийских государств – России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Ирана – подписали Конвенцию о статусе Каспийского моря. Это стало завершением более чем двадцатилетней истории сложных переговоров по разделу акватории и дна Каспия, а также по вопросу обеспечения безопасности в прикаспийском регионе. Однако документ не ставит точку в решении целого ряда экономических и политических вопросов пятистороннего сотрудничества на Каспии, но запускает механизм дальнейшей выработки конкретных решений. С этой целью намечено создать механизм регулярных консультаций для окончательного согласования отдельных вопросов.

²⁰ <https://kommersant.uz/mnenie/tapi>

²¹ <https://fergananews.com/news/29609>

Политическая составляющая Конвенции зафиксировала принципы, нашедшие отражение в Декларации по безопасности, подписанной главами пяти прикаспийских стран в 2007 г. в Тегеране. Прежде всего, это касается неприсутствия на Каспии вооруженных сил внерегиональных государств. Кроме того, стороны обязуются решать все споры мирным путем, не предоставлять свои территории для агрессии против соседей. Однако работу по вопросам безопасности на Каспии намечено продолжить, так как по некоторым из них позиции отдельных стран расходятся.

Например, иранский президент Х.Роухани выступал за запрет транспортировки через Каспий любых военных грузов, тогда как Казахстан предоставил американской стороне свои порты Актау и Курык для переброски нелетальных военных грузов войскам в Афганистане. По предложению Н.Назарбаева прикаспийские страны приступят к разработке соглашения по укреплению мер доверия в военной области в регионе.²² При этом он заявил, что американской военной базы в Актау не будет.

Одним из ключевых вопросов правового статуса Каспия стало само определение этого водоема. Поскольку он не соединен с мировым океаном, то не является морем, но ввиду своих размеров, особенностей воды и дна не может считаться озером. В результате, к нему неприменимы как положения морского права, так и нормы о трансграничных озерах. Конвенция зафиксировала использование традиционного названия – Каспийское море, но при этом определила его как «окруженный сухопутными территориями Сторон водоем».²³

Документ узаконил доступ пяти стран к ресурсам Каспия – нефти, газу и рыбе. Доказанные запасы углеводородов оцениваются здесь в 48 млрд. баррелей нефти и 8,7 трлн. куб. м газа.²⁴ Согласно Конвенции, акваторию моря предлагается разграничить на внутренние воды, территориальные воды (не превышающие по ширине 15 морских миль), на которые распространяется суверенитет прибрежного государства (их внешняя граница считается государственной), рыболовные зоны (еще 10 миль, в пределах которых государство обладает исключительным правом на рыбный промысел) и общее водное пространство. Таким образом, большая часть акватории и биоресурсов Каспия остается в общем пользовании.

Однако методику определения исходных линий, от которых отмеряются территориальные воды, предстоит определить отдельным соглашением. Оно будет подготовлено специальной консультативной группой, первая

²² <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5450899>

²³ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>

²⁴ <http://www.ca-portal.ru/article:39683>

встреча которой должна состояться в течение ближайших шести месяцев. Документ предусматривает, что границы между территориальными водами сопредельных государств устанавливаются на основе двусторонних договоренностей. Этот же принцип распространяется на размежевание дна, по вопросу о котором в документе также нет окончательной ясности. В нем говорится о разделе дна на национальные сектора, но не определен механизм этого раздела. Сказано лишь, что «разграничение дна и недр Каспийского моря на сектора осуществляется по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права».²⁵

Схожим образом решена и проблема прокладки трубопроводов. Признано право прикаспийских государств прокладывать трубопроводы по дну моря, не получая одобрения всей пятерки, а лишь на основе договоренностей со странами, через сектор которых проляжет труба. Однако оговаривается, что такие проекты «должны соответствовать экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, а страны, прокладывающие трубопровод, обязаны сообщать участникам конвенции координаты районов, где проложены трубы».

Таким образом, документ носит компромиссный характер, и многие вопросы предстоит еще решить. По словам Н.Назарбаева, Конвенция является своеобразной Конституцией для прикаспийских государств, содержащей основные принципы их взаимодействия. Тем не менее для Ашхабада она открывает перспективы по созданию Транскаспийского газопровода (ТКГ), поскольку неурегулированный статус Каспия всегда считался главным препятствием для этого проекта.

ТКГ, пользующийся особой поддержкой ЕС и США, должен соединить газотранспортные системы Туркмении и Азербайджана для вывода туркменского газа через Грузию и Турцию в Европу. Благодаря доступу Европы к туркменским ресурсам этот маршрут должен создать альтернативу российскому газу. Как отмечают эксперты, «в лоббировании Западом этого маршрута невооруженным глазом просматриваются геополитические цели, нежели озабоченность объемом газоснабжения Европы, тем более что российские поставки, с учетом новых “Северного потока-2” и “Турецкого потока”? способны более чем на 60% обеспечить европейский спрос на голубое топливо».²⁶

Предполагается, что ТКГ, протяженностью 300 км, должен стать частью «Южного газового коридора» (ЮГК), создаваемого для транспорти-

²⁵ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря.

²⁶ <https://www.ritmeurasia.org/news-2018-03-05-transkaspiskij-gazoprovod-...>

ровки газа из Азербайджана в Европу.²⁷ В феврале текущего года в Баку состоялось заседание международного Консультативного совета ЮГК, в котором приняла участие делегация Туркмении. Ее руководитель, советник президента республики Я.Какаев заявил, что «Транскаспийский газопровод – единственно возможный маршрут, по которому туркменский газ из порта Туркменбаши может быть доставлен по дну Каспия в Баку, а оттуда – на европейский рынок».

Россия и Иран выступали против прокладки газопровода по дну Каспия, считая, что это может создать угрозу уникальной биосистеме этого водоема. Принятая Конвенция о статусе Каспия в целом облегчает реализацию проекта Транскаспийского газопровода из Туркмении в Азербайджан. Однако в преддверии саммита в Актау представители природоохранных ведомств прикаспийских государств подписали в Москве «Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря от 2003 года (Тегеранская конвенция)».²⁸ Целью документа является минимизация экологических рисков, связанных с созданием трансграничных объектов. Протокол предусматривает согласование крупных проектов на Каспии, включая прокладку трубопроводов, на основе консенсуса всех прибрежных государств.

В частности, в пункте 2 четвертой статьи документа говорится: «Каждая Договаривающаяся Сторона обеспечивает, чтобы все виды планируемой деятельности, приведенные в Приложении I, которые могут вызвать значительное трансграничное воздействие, подлежали процедуре ОВОС (оценке воздействия на окружающую среду – *Е.И.*) в соответствии с настоящим Протоколом перед принятием решения по разрешению или проведению планируемой деятельности».²⁹

В числе «видов планируемой деятельности» названа «прокладка трубопроводов большого диаметра для транспортировки нефти, газа и нефтепродуктов или химических веществ». Статьями протокола предусматривается порядок информирования прибрежных стран о планируемой деятельности, которая может вызвать значительное трансграничное воздействие, проведение консультаций между заинтересованными сторонами, а также участие общественности в процедуре ОВОС.

²⁷ Составляющими ЮГК являются проектируемый Трансанатолийский газопровод (TANAP) по маршруту Азербайджан–Грузия–Турция–Греция, который должен стыковаться с проектируемым Трансадриатическим газопроводом (TAP) из Греции через Албанию в Италию.

²⁸ <http://casp-geo.ru/v-rossii-podpisan-vazhnyj-protokol-k-...>

²⁹ Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранской Конвенции).

Помимо проблем экологической безопасности на пути реализации осуществления проекта ТКГ есть и другие сложности. Во-первых, в Евросоюзе, как считают эксперты, в настоящее время нет большой заинтересованности в проекте ТКГ ввиду неясных перспектив спроса на газ. В этой связи возникает вопрос об окупаемости проекта с учетом того, что стоимость основной газопроводной системы ЮГК – трубопроводов из Азербайджана в Италию – превышает 45 млрд. долл.

Во-вторых, ЮГК создается прежде всего под азербайджанский газ (с месторождения Шах-Дениз-2), поэтому туркменский становится его конкурентом (это уже нашло отражение в возникших между Баку и Ашхабадом противоречиях по вопросу заполняемости газопроводной системы). По мнению эксперта Института востоковедения РАН С.Притчина, «для Азербайджана сейчас транзит туркменского газа не очень выгоден, ему важно сохранить свои позиции. Транскаспийский газопровод может стать актуальным, когда азербайджанские месторождения будут иссякать».³⁰

В-третьих, на планах строительства ТКГ могут неблагоприятно отразиться разногласия по разделению недр между государствами Каспия. Например, недовольство Баку вызвало проведенное Ираном бурение на месторождении Сардар Джангал, которое Азербайджан считает своим. Долгие годы идет спор между Баку и Ашхабадом по поводу ряда месторождений (Сердар, Осман и Омра в туркменском варианте).³¹ Наконец, в-четвертых, с учетом всех действующих и проектируемых в Туркмении газоэкспортных маршрутов возникают сомнения по вопросу их ресурсного обеспечения.

Газоэкспортные маршруты и проблема безопасности Туркмении

Для реализации газоэкспортной стратегии Туркмении решающее значение приобретает обеспечение безопасности в стране, что напрямую связано с ее способностью отражать внешние угрозы. Так, угрозы со стороны Афганистана требуют поддержания постоянной боевой готовности для защиты границы. Исходя из своего нейтрального статуса, республика отказывается участвовать в организациях коллективной безопасности, действующих на пространстве СНГ, рассчитывая на собственные силы или, в крайнем случае, действуя в рамках двусторонних отношений.

Собственный военный потенциал республики невелик (по данным источников, среди пяти стран ЦА Туркмения занимает третье место по во-

³⁰ <https://www.kommersant.ru/doc/3694315>

³¹ <https://www.kommersant.ru/doc/3667577>

енной мощи). Из-за отсутствия собственной оборонной промышленности республика вынуждена закупать новые виды вооружений у других стран. В 90-х гг. Ашхабад взаимодействовал с РФ (в период активного российско-туркменского сотрудничества по газу часть военной техники, поставляемой в республику из РФ, шла в счет поставок «голубого топлива») и с другими странами СНГ (Белоруссией, Грузией, Украиной). Параллельно шло наращивание военно-технического сотрудничества с США, которые какое-то время рассматривались Ашхабадом в качестве ключевого партнера. В заявлении туркменского правительства от октября 2015 г. говорилось: «Туркменистан рассматривает Соединенные Штаты Америки в качестве стратегического партнера и придает большое значение углублению сотрудничества с этой страной».³²

Для Ашхабада особую важность приобрела оказываемая Соединенными Штатами поддержка газопровода ТАПИ, гарантом безопасности которого они выступали. Когда весной 2015 года боевики из северного Афганистана пытались прорваться в Туркмению, Вашингтон согласился оказать военно-техническую помощь в охране туркмено-афганской границы. (Первыми свою помощь предложили тогда Узбекистан и Россия.) В том же году Ашхабад и Вашингтон возобновили прерванный в середине 2000-х годов диалог о возможном размещении ВВС США на туркменском аэродроме Мары-2, который, однако, в дальнейшем зашел в тупик. По мнению научного сотрудника Института востоковедения РАН Ш.Кадырова, в случае военного обострения Ашхабад может рассчитывать на помощь США, однако за оказание такой помощи, как и другим странам, в той или иной форме нужно будет расплачиваться. «В рамках концепции “управляемых конфликтов”, США будут поддерживать такие проекты, которые бы вынуждали соседей Афганистана обращаться к ним за помощью», – считает эксперт.³³

В последнее время наблюдается расширение сотрудничества в военной сфере между Туркменией и Китаем. Постепенно туркменская армия вооружается китайским высокотехнологичным оборудованием, в том числе современными средствами ПВО. В начале 2016 г. в республике прошли масштабные военные учения, где была продемонстрирована китайская зенитно-ракетная система, которая была приобретена Ашхабадом.³⁴ Это свидетельствует о том, что Поднебесная не только концентрируется на экономических проектах в Центральной Азии как главном орудии продвижения своих интересов, но и расширяет свое влияние в военно-политической сфере.

³² <https://topwar.ru/96855-shvatka-za-neytranyy-...>

³³ <https://eadaily.com/ru/news/2016/11/25/rossia-i-turkmenistan-mogut-...>

³⁴ <http://opk.com.ua/>

Крупным поставщиком вооружения для Туркмении является Турция. По некоторым данным, Ашхабад в течение последних пяти лет был крупнейшим импортером турецкого оружия. На Турцию приходится 36% всего закупаемого республикой оружия, на Китай – 27%, на Россию – 20%. В числе других партнеров Ашхабада по военно-техническому сотрудничеству – Италия, Чехия, Болгария. В последнее время Ашхабад проявляет большой интерес к развитию военного сотрудничества с Пакистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Что касается военно-технического взаимодействия Туркмении и России, то на него влияло изменение внешнеполитических приоритетов Ашхабада. Как известно, в течение почти пяти лет после объявления нейтралитета российские пограничники помогали Туркмении охранять границы на суше и на море. В 1994 г. Ашхабад начал сотрудничать с НАТО по программе «Партнерство ради мира» и сократил взаимодействие с Москвой. В 2016 г., после почти десятилетнего периода напряженности, между РФ и РТ наметилась активизация военно-политических связей. При этом Ашхабад заявил о готовности сотрудничать с Россией в области безопасности.

По итогам визита в Ашхабад в 2016 г. министра обороны РФ С.Шойгу пресс-служба МО РФ сообщала, что обсуждались «актуальные вопросы двустороннего военного и военно-технического сотрудничества, а также проблемы региональной и глобальной безопасности. Были определены перспективные направления углубления российско-туркменского взаимодействия в военной области, согласованы конкретные шаги по укреплению Вооруженных сил Туркменистана. Прежде всего, это касается обеспечения их совместимым вооружением и военной техникой, подготовки военных кадров».³⁵

В октябре 2017 г., в ходе официального визита В. Путина в Ашхабад, между двумя странами было подписано соглашение о стратегическом партнерстве. При этом главным приоритетом было названо сохранение стабильности в прикаспийском регионе.³⁶ По словам Г.Бердымухамедова, в Ашхабаде «с уважением и пониманием» относятся к интересам России в Центральной Азии, «всегда готовы к продолжению тесного и системного взаимодействия как стабилизирующему элементу, придающему устойчивость и сбалансированность в регионе».³⁷ Следует отметить, что на саммите в Актау Туркмения в лице президента Г.Бердымухамедова, наряду с Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря, подписала также протоколы о сотруд-

³⁵ <https://topwar.ru/96855-shvatka-za-neytranyy-...>

³⁶ <https://eurasia.expert/rossia-i-turkmenistan-ustanovili-...>

³⁷ <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20171002/1023483963/turkmenistan-gotov-k-...>

ничестве и взаимодействии пограничных ведомств, а также о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом и оргпреступностью.

К настоящему времени между РФ и Туркменистаном подписано более 20 документов, предусматривающих расширение военных связей, в том числе гарантии Москвы по оказанию помощи республике в экстренных ситуациях.³⁸ Наблюдающееся сближение двух стран, безусловно, выгодно и России, и Туркмении. Для Ашхабада это облегчает поиск компромиссов при решении спорных вопросов, связанных с продвигаемыми им проектами новых маршрутов экспорта газа. В более широком смысле – поддержка России укрепляет позиции Туркмении перед лицом внешних угроз. Для РФ развитие отношений с Ашхабадом наибольший интерес представляет с точки зрения обеспечения безопасности ее южных рубежей.

³⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/3325529>